

ГЕОРГИЙ
ПЕРСИКОВ

ДЪЛЮ.О

Чертовом
зеркале

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П27

Художник — *Сергей Логинов*

Серийное оформление — *Екатерина Фerez*

Внутреннее оформление — *Ирина Гришина*

Издательство благодарит литературного агента Ирину Горюнову
за содействие в приобретении прав.

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.

Персиков, Георгий.

П27 Дело о Чертовом зеркале : [роман] / Георгий Персиков. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 320 с. — (Старый добрый детектив).

ISBN 978-5-17-090717-5

Начало XX века. Тихий провинциальный русский городок потрясают громкие преступления — из местного музея при странных обстоятельствах похищена старинная статуэтка, а несколько часов спустя на пустыре за рестораном находят убитым известного фабриканта-миллионера. Полиция, привыкшая разбирать пьяные драки да мелкие кражи, в замешательстве, и тогда к расследованию подключается молодой практикующий доктор, герой Англо-бурской войны Георгий Родин.

Обладая аналитическими способностями и пытливым умом, Родин нащупывает связь между обоими преступлениями и выясняет, что их следы ведут в Крым, где, по легенде, в одной из скал несколько веков назад жестокий грабитель Ахмет-бей надежно спрятал древний артефакт невероятной разрушительной мощи.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-090717-5

© Г. Персиков
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Я с благодарностью посвящаю эту книгу Емельяну Чернявскому. Спасибо, старик. Без тебя ничего бы не было. А у тебя все еще будет

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

19**

Англо-бурская война

Осада Макфенинга

Буры — не самая красивая нация на свете, но Диана ван Дрейк, одна из лучших стрелков бурских партизан-коммандос, выглядела, как Мадонна с картин голландских мастеров. Когда Александр Годли с двумя эскадронами англичан окружил группу африканеров, засевшую в каменном краале в Стаде, бурские снайперы совершили вылазку и начали метко стрелять по манчестерцам.

Обеспокоенные неожиданной атакой, британцы принялись отстреливаться, не понимая, откуда их атакуют. Наконец какой-то ретивый шотландский доброволец бабахнул наугад из дробовика по кустам, как раз туда, где стрелки оборудовали передовую огневую позицию. Диану ранило дробью, несильно посекло кожу на плечах, предплечьях и кистях. Партизанам удалось отнести ее вместе с другими ранеными в хижину рыбака, где устроили временный госпиталь.

Молодой, но опытный доктор Георгий Родин, волонтер из России, не отходил от девушки. Впрочем, от других раненых он тоже не отходил... Но даже дядя девушки, Иоганн ван Дрейк, потерявший глаз, заметил, что отношение у молодого доктора к раненой красавице особенное. Да и Диана тоже привязалась к русскому крепышу, и постоянно в большой комнате, пропахшей сеном и кровью, слышался ее голос:

— Жоржи! Жоржи! — с крепким фламандским грасированием. И хотя имя месье Родина звучало немного по-другому, он все равно с радостью откликнулся.

Вот и в это воскресенье, сразу после утренней молитвы, доктор обходил раненых и не сразу услышал встревоженный шепот Дианы:

— Жоржи! Жоржи!

А когда обернулся, то вздрогнул: так было обезображено ужасом милое личико мадемуазель ван Дрейк.

— Британцы! И впереди сам Генри Джойс!

Родин не понял, в чем причина страха. Он улыбнулся и ответил:

— Британцы не имеют права даже переступить этот порог. Здесь висит флаг Красного Креста, и по международной...

В этот момент дверь распахнулась от удара ногой и с грохотом врезалась в стену, подняв клубы пыли. В проеме стоял крепкий сержант в песчаного цвета форме британской армии, за ним оцетинились штыками четверо солдат.

— Мятежники, — медленно и презрительно процедил сержант, не выпуская изо рта короткой трубки, — вам придется проехать с нами в лагерь концентрации. Немедленно. Взять их, ребята.

— Жоржи!.. — прошептала Диана, закрывая глаза перебинтованными руками. Из-за волнения раны открылись, и бинты закровили алыми розами.

— О, да здесь куколка, которая подстрелила старину Ричардса! Ну, с тобой будет особый разговор. Живо! Одеваться, а то потащим вас в этом тряпье!

Солдаты протопали в комнату, не опуская винтовок, но на их пути встал Родин, высокий, крепкий, в белом халате и с ослепительной улыбкой.

— Господа, — сказал он, разведя в стороны руки в миролюбивом жесте, — вы забываетесь. Это здание находится под охраной международной организации Красного...

— ..., — грязно продолжил его фразу сержант и плюнул на пол желтой от табака слюной. — Здесь, в Трансваале,

вы находитесь под охраной ее величества королевы Виктории и сержанта Генри Джойса!

— Вы находитесь в полевом госпитале, и я прошу вас не плевать на пол. Даже зулусы у меня такого не позволяли! — и Родин сильным движением отвел в сторону направленные на него штыки. Солдаты растерялись. — Попрошу вас выйти вон! — строго добавил Георгий и указал на дверь.

— Поганые трусы! — взревел Джойс, распахивая своих подчиненных. — Твое дело, докторишка, — это клистирные трубки, и не тебе отдавать приказы солдатам ее величества!

— Если солдаты ее величества ведут себя как свиньи, то мое дело — вышвырнуть их из больницы, защищенной международным Красным Крестом! А я — подданный его величества российского императора, и не потерплю издевательств над ранеными!

Диана ахнула, закрыв лицо руками. Но Родин этого не видел, он уже давно находился в великолепной эйфории схватки. Джойс швырнул в сторону винтовку, ее сразу подхватил малорослый рыжий капрал.

— Будь ты поганым африканером, я бы проколол тебя штыком, как свинью! — криво ухмыльнулся Джойс. — А так просто поучу русского медведя вежливости.

И он стал в боксерскую стойку.

— Жоржи, это лучший нокаутер во всем британском гарнизоне! — прошептала Диана. Она приподнялась с кровати. — Ты не должен рисковать ради нас.

— Ничего, — улыбнулся Родин, закатывая рукава.

— Нет. Я этого не стою. Отойди, Жоржи, я отправлюсь с этими мерзавцами...

— Отправишься! — заорал Джойс. — Только после того, как я выколочу пыль из этого хлыща!

И Джойс нанес почти невидимый, такой он был быстрый, удар в лицо Родину. Но Георгий отклонился совсем чуть-чуть, достаточно лишь для того, чтобы кулак просвистел мимо, и сам ударил в ответ. Он двигался медленнее сержанта, и тот успел закрыть голову локтем, да только без

толку. С шумом хрястнула сломанная рука, запрокинулась в сторону голова, и Джойс отлетел в сторону, сбив с ног двух солдат.

— Вот это удар... — прошептал третий англичанин, которому посчастливилось стоять чуть в стороне.

Джойс вскочил, из разбитых губ текла кровь.

— Я тебя...

— Енюша! Енюша, вставай! — Георгия трясла сухонькая, но на удивление крепкая старушечья рука. — Вставай, пациент к тебе. Ванюшка Гусев пришел, вставай, срочное что-то! Чегой-то дергался ты, милоч, точно как мой старик... Поди опять война привиделась?

Родин мгновенно проснулся. Тягостные военные воспоминания, которые часто посещали его во снах, стали постепенно меркнуть.

*19** год*

г. Старокузнецк

Днем раньше

В свете лампы сверкнуло лезвие топора.

— Ну, так что, любезный? Ночь долгая. Слышать нас никто не услышит. А спрашивать я умею. Школу хорошую прошел. Так потом разговоритесь, что силой затыкать придется.

Ночь — не лучшее время для прогулок в Старокузнецке. Потому ночью порядочные горожане сидят по домам, разве только самые общительные сидят в Английском клубе или Дворянском собрании, а иные, не столь духовно богатые, — веселятся в ресторанах «Монмартр» или «Олимпия». Но чтобы отправиться в такой глухой район города, как Чемодановка, нужно быть или отчаянным, или сумасшедшим. Глухой лес, кладбище без церкви (храм недавно сгорел, после того как в него попала молния) и много жутких историй про призраков.

Именно тут и выстроил свою усадьбу знаменитый на всю Россию промышленник и миллионер Стрыльников. И неспроста.

Прошлое у него самого было темное. Сам местный, старокузнецкий, да вырос сиротой, в приюте воспитывался. Все знали, что по молодости — по глупости, лет семнадцати, получил он десять лет каторги, не то за разбой, а не то и вовсе за смертоубийство. Оттуда, говорили, бежал, а после подрадился в старательскую артель на Приамурские прииски и спустя семь лет вернулся сказочно богатым. Стал сорить деньгами направо и налево, выстроил себе дворец, уменьшенную копию Версаля с фонтаном, павлинами и всяко-разными экзотическими тварями из Индии и Африки, организовал две мануфактуры, пушную и суконную, а от своего дома до конторы проложил железную дорогу и паровоз с одним роскошным вагоном из Англии выписал. В вагоне у него кабинет, мягкие диваны итальянской кожи и даже новомодный фаянсовый ватерклозет по особому заказу из Нью-Йорка!

А еще Стрыльников купил за бесценок где-то в Таврической губернии десять тысяч десятин голых скал, у какого-то разорившегося татарского князя. Остались там еще со времен Крымского ханства на самой высоченной скале развалины крепости под названием Шайтан-Кале. Вот затеял их фабрикант восстанавливать и построить там роскошный отель с видом на море. Это, говорят, многие до него пробовали, только ничего не вышло. Хотя и красиво там, но и опасно чертовски, оттого так крепость-то и назвали: шайтан — это черт по-нашему. Ну вот и Стрыльников решил счастья попытать, говорит: сам черт мне не брат, поймаю его за хвост да заставлю денежки приносить.

И если бы сейчас нашелся смельчак, что заглянул бы в светящиеся окна усадьбы Стрыльникова, то даже у него сердце покрылось бы зябкой моросью.

Перед огромным фабрикантом сидели на полу двое крымских татар: совсем дряхлый старик в тюбетейке

и красивая девушка с длинными черными косами. Руки у них были связаны за спиной.

— Повторяю в последний раз, — с радостной улыбкой пророкотал Стрыльников. — Тайну «Зеркала шайтана»! Или я начинаю вас рубить на куски!

Он многозначительно посмотрел на огромный мясницкий топор, что лежал перед ним на столе.

— Сокровища похоронены в Черных скалах вместе с разбойником Ахмет-беем, и лучше их не тревожить, — с такой же улыбкой отвечал старик. Было непонятно, кто из них больше хочет, чтобы пролилась кровь. — Там же лежит и проклятое пророком Мухаммедом (благославит и приветствует его Аллах) «Зеркало шайтана». Оно несет только смерть и разрушение и потому спрятано среди скал!

— Хорошо, — улыбнулся Стрыльников, взяв в руки топор. — Осталось только понять, с кого же мы начнем. — Он задумался, пробуя сбрызнуть густую шерсть с руки остро отточенным лезвием. — Ты, старик, пожалуй, и так лет десять как лишку на белом свете живешь, а вот внучке твоей, пожалуй, без рук, без ног будет радости мало.

Он взмахнул топором, но задержал его в воздухе.

— Наш род хранил тайну «Зеркала» пятьсот лет, — сказал старик, снова улыбаясь. — Нас готовили к этому. И меня. И ее. Аллах встретит нас на небесах как героев. Руби, вор, и...

Тогда Стрыльников сильно ударил ладонью старика по губам и с радостью услышал, как взвизгнула девушка и закричала по-татарски. Старик упал, из разбитых губ на паркет потекла черная кровь.

— Говори, малышка, — ухмыльнулся он. — Говори.

— Обещайте, что не тронете дедушку.

— Обещаю.

— Обещайте, что отпустите нас, когда я все расскажу.

— Обещаю.

— Вот карта, — девушка сорвала с шеи кожаный шнурок с кошелечком, где мусульмане обычно носят вшитые суры. — Карта с секретом, мы его сами не знаем. Чтобы

найти «Зеркало», нужны еще два элемента: фигурка золотого витязя, который укажет на место, где сокрыт клад, и золотой ключ, который откроет пещеру. Но фигурка и ключ давно утеряны, и без них вы ничего не найдете!

— Кто еще это знает? — спросил Стрыльников, откладывая в сторону топор.

— Только четыре человека в мире, — продолжала тараторить девушка, немного успокаиваясь. — Историк Иван Гусев, его опекун профессор Смородинов и товарищ доктор Родин: они у нас год назад раскопки проводили, а еще английский путешественник лорд Мак-Роберт, который жил у нас несколько лет.

— А теперь еще и я, — улыбнулся Стрыльников, развязывая руки старика. — И вас двое.

— Да, — девушка уже улыбалась, пытаясь привстать.

— Один еретик английский, четверо православных со мной, да вы — двое нехристей, — так же радостно продолжал Стрыльников, ставя старика на ноги, — итого пять да два — семь.

— Да, семь, — девушка уже почти смеялась. Она радовалась, что скоро их отпустят на свободу и она снова увидит родные крымские скалы.

— Пять, — вдруг сказал Стрыльников не радостным, а хищным, резким голосом.

Он не любил револьвер и с молниеносной скоростью ударил обоих двумя огромными охотничьими ножами, которые всегда носил на поясе. Тела еще не успели упасть, а миллионер уже крикнул:

— Эй, Франц! Срочно привези ко мне этого сушеного гриба Смородинова. Он живет на Введенской в доходном доме этой старой немки. Ему жить осталось две седмицы, поди быстро заговорит. Не то что этот нехристь. Ну а ежели будет молчать — примемся за Гусева с Родины. — Он с хрустом потянулся. — А еще прикажи, чтобы подали дров. Надо избавиться от этого мяса.

А потом фабрикант ловко разорвал черный гайтан и развернул пергамент, на котором была выжжена карта скал Шайтана.

Если бы иной смельчак и в этот момент смотрел в окна особняка Стрыльникова, он бы упал со страху, услышав демонический раскатистый смех фабриканта и увидев, как он снова взял в руки топор.

* * *

Родин быстро, по-военному одевался, поглядывая на себя в большое зеркало. Он не любил немецкую аккуратность, равно как и английский лоск, и ценил одежду, в которой ему было удобно: просторную сорочку, френч, черные, военного покроя, брюки и сапоги. Няня Клавдия Васильевна уже привыкла к самостоятельности барина и даже не помогала, а просто стояла рядом и совсем не по-старушечьи докладывала:

— Ванюша-то Гусев, бледный, сам на себя не похож. Аж хфизионому всю перекосило. Дэнис-то, ну он так отчима называет, ну Денис Трофимович... не то под лошадь попал, не то с чердака кувыркнулся...

— Переломы? — Родин затянул галстух, потом решил, что это лишнее, сорвал его и швырнул в угол.

— Не говорит он, касатик. Что ж, приказать коляску запречь? Ванюшка-то пешками прибежал, весь в мыле. До дома-то их далёко будет. Али верхи поедете?

— Время дорого, — ответил Георгий, хватая одну из своих тростей. Без нее он не выходил из дому, и это уже давно сделалось привычкой. — Оседлайте наскоро Ланцета и Иволгу!

Старушка быстро засемила из комнаты, освещая себе путь керосиновой лампой.

— Евдоким! Седлай Ланцета с Иволгой! Господа верхи поскачут! Да скорей!

Родин быстро спустился по лестнице и обнял своего друга детства — Ивана Гусева. Увы, как часто бывает в жизни, их дорожки разошлись. Отец Георгия, провизор Иван Родин, купил дом в центре Старокузнецка с аптекой на первом этаже. Ваню же, после того как в горах разбился его отец, взял к себе Денис

Смородинов и стал его опекуном. Вечному аспиранту наконец удалось защитить диссертацию и стать приват-доцентом.

Шло время, и бывшие друзья стали жить каждый своей жизнью, изредка общаясь на заседаниях Английского клуба или на торжествах в Городском краеведческом музее. Тем не менее обоим удалось сохранить с детства любовь к приключениям, только каждый воплощал ее по-своему. В двадцать лет Родин отправился на Англо-бурскую войну в составе русского санитарного отряда, где сшивал, бинтовал, ампутировал; а Гусев не вылезал из экспедиций по территории бывшего Крымского ханства: от Перекопа до Балаклавы он копал, записывал, собирал информацию о таинственном «Зеркале шайтана», которое так и не удалось найти отцу. Зато год назад они оба поучаствовали в раскопках (правда, Георгий с его бешеной натурой долго не вытерпел).

— Идем, Ваня, идем, — сказал Родин, указывая приятелю на дверь. Евдоким уже выводил под уздцы лошадей. — Что с лицом-то? Пчела, что ли, ужалила?

— Да жуб. Жуб мучает! — прошипел в ответ Гусев.

— А случилось-то что?

— Да Дэнис упал с лестницы, — попытался справиться с болью Иван. — Поехал к нашему миллионеру Стрыльникову давать какую-то консультацию насчет карты... Стрыльников где-то купил древнюю карту... А потом поехал в университет и там на лестнице и упал... Расшибся сильно.

— Так... В больницу надо везти. Давай прямо сейчас...

— Нет! Нельзя его в больницу! — Иван снова болезненно скривился и потер свой огромный флюс.

— Ну, если серьезная травма, то лучше стационарно... Хотя можно и дома... Хорошо, сейчас осмотрим...

— Нет, ты не понимаешь! Он должен стоять на ногах уже завтра! Черт побери, у нас тут такое завертелось! Мы же продолжали проводить раскопки у Судака... с которых ты удрал... и отыскиали «Золотого витязя» Ахмет-бея!

— Ну я про него слышал, вы ж говорили. Это хорошо?